

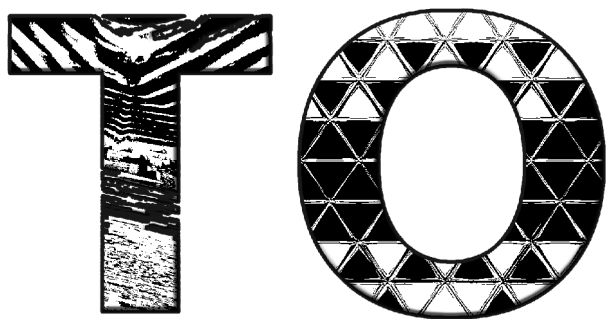
АНДРЕЙ ЦУКАНОВ

ТЕМЫ

КНИГА СТИХОВ

Андрей Цуканов

КНИГА СТИХОВ

МОСКВА

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Ц85

Ц85 Цуканов Андрей

Тотемы: книга стихов. — М.: ЛИЧНЫЙ ВЗГЛЯД
(МСЛ), 2018. — 48 с., ил.

Эта книга составлена из стихотворений о животных, являя собой нечто вроде текстового результата эмоционально-психологических всплесков в сознании автора – при виде животных, реально появлявшихся перед его глазами на городских улицах и в парках, или возникающих в его воображении. При этом речь, в сущности, идет не столько о животных, сколько о тотемах, которые имеют отношение не только к животным, но и к людям. И одновременно это – что-то вроде современного эпоса, состоящего из историй о животных. Милых, с присущими их видам манерами поведения и, чаще всего, беззащитных перед человеком и миром, который он давно пересоздал – исключительно под себя.

Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры РФ

ISBN 978-5-6041307-0-4

© Цуканов А. Л., 2018

© Виноградова Т. Е., оформление, 2018

МЕЖДУ СМЫСЛОМ И АБСУРДОМ

Совершенно загадочное явление: обитатель мегаполиса начинает вдруг писать художественные тексты о животных – пусть даже о животных мегаполиса, таких же урбанистических монстрах с повышенным IQ, как он сам. Мне в этом чудится какая-то нравственная нота, некий утопический жест искупления.

Видовой эгоизм *Homo sapiens* беспределен. Даже обожествляемого животного – предка-тотема мы обрекаем на священное съедение, а на красавца дикого гуся, зимующего на Лонг-Айленде, смотрим лишь как на гастрономический полуфабрикат. Но этот патологический антропоцентризм рано или поздно должен быть скомпенсирован напряженным трудом, движением поэтической души в сторону, противоположную концепту «царя зверей».

Труд этот не выглядит платой или расплатой за очевидный, нанесенный живому миру урон: дар обязан быть бескорыстным. Если скульптор ставит памятник собаке-покорительнице Космоса, отправленной человеком в небеса на верную гибель, или подопытному павиану, замученному ради выработки новой вакцины, то поэт пишет о вольных зверях и птицах, к которым не имеет отношения ни он сам, ни его окружение. И ему даже не обязательно лично созерцать этих зверей и птиц: часть зоологических персонажей он конструирует сам – в своем воображении. Собственно, так когда-то и рождались тотемы.

И только таким способом можно выправить тончайший мировой баланс между мёртвой и живой материей, между причиной и следствием, между смыслом и абсурдом.

Игорь Сид

ОТ АВТОРА

Эта книга составлена из стихотворений о животных, точнее, из стихотворений, посвященных мыслям и чувствам, возникшим при виде животных. Однако человек не такое уж хорошее существо, и думает он, как правило, только о себе. И когда смотрит на что-то, не имеющее к нему прямого отношения, думает все равно о себе, любимом. В общем-то это не плохо и не хорошо – так уж он устроен.

Первые мои стихи о животных – два текста о собаке, и написаны они давно – на рубеже 80-90-х годов прошлого века. В первой половине 90-х я написал еще несколько стихотворных текстов о животных – о свинье, китах, удаве и корове. Все они напечатаны в сборниках, альманахах и двух моих первых книгах стихов. Так что очевидно, что я всегда был склонен задействовать в своем творчестве образы животных.

Но основная часть вошедших в эту книгу текстов написана во второй половине 10-летнего пребывания в США (2006-2016), когда мы с женой переехали из небольшого городка недалеко от Бостона в небольшой городок на острове Лонг-Айленд, крайняя левая часть которого – территория мегаполиса по имени Нью-Йорк, а крайняя правая – чудесный уголок живой природы, окруженной Атлантическим океаном. Тогда тексты о животных пошли у меня один за другим – то ли природа Лонг-Айленда подействовала, то ли с новой силой дало о себе знать свойственное мне пристрастие к древней литературной традиции: задействовать для описания своих настроений и мыслей и внутренних, да и внешних, коллизий представителей земной фауны.

Первым в феврале 2013 года появился текст «Гуси Лонг-Айленда». Потом были написаны «Пума» и «Лобстеры» – эти тексты я читал на своем вечере в Чеховке во время краткого приезда в Москву в ноябре 2013 года. Потом появились и другие, в том числе «Канистры» – этот текст был написан в 2014 году и напечатан в альманахе «Гвидеон» Вадима Месяца. Текст «Бабочка» был написан ранней весной 2016 года, когда я, уже в одиночестве, переехал в комнатку в Бруклине, предоставленную мне, по рекомендации Саши Гальпера, гостеприимной семьей грузинских эмигрантов. Текст «Лягуш

ка», последний из серии стихов о животных, был написан уже после возвращения в Москву – специально для выступления на конкурсе стихов о животных «Зоософия», проводимого Игорем Сидом и Юрием Угольниковым в Московском зоопарке.

Большинство героев моих текстов о животных реально появлялись перед моими глазами на городских улицах и в парках, но некоторые из них возникли в моем воображении. Как правило, в литературе животные традиционно являются героями малого эпоса – басен, но мои тексты – не басни, а нечто вроде текстового результата эмоционально-психологического всплеска, с элементами эпоса, естественно. Ведь животные – неотъемлемая и очень важная часть нашей эмоциональной жизни. Можно сказать, что они – часть нашей человеческой души.

Однако речь в этой книге, в сущности, идет не столько о животных, сколько о тотемах. Поэтому не стоит удивляться, что завершает эту книгу текст, среди персонажей которого нет животных – только люди. Ведь тотемы имеют отношение не только к животным, но и к людям. Тем не менее, тексты этой книги – истории о животных, которых я увидел. Милых, с присущими их видам манерами поведения и, чаще всего, беззащитных перед человеком и миром, который он давно пересоздал – исключительно под себя. И, надеюсь, они понравятся читателю этой книги.

А. Ц.

ГУСИ ЛОНГ-АЙЛЕНДА

Когда в феврале этого года
На Лонг-Айленде выпал снег
Все очень удивились

Особенно удивились гуси

Эти гуси бродят по Лонг-Айленду
Целыми стадами
Оккупируют футбольное поле хай скул
Недалеко от моего комьюнити
Гуляют по лужайкам вокруг офиса моей работы
В общем ведут себя по-хозяйски
А ведь всего-то сезонные иммигранты из Канады

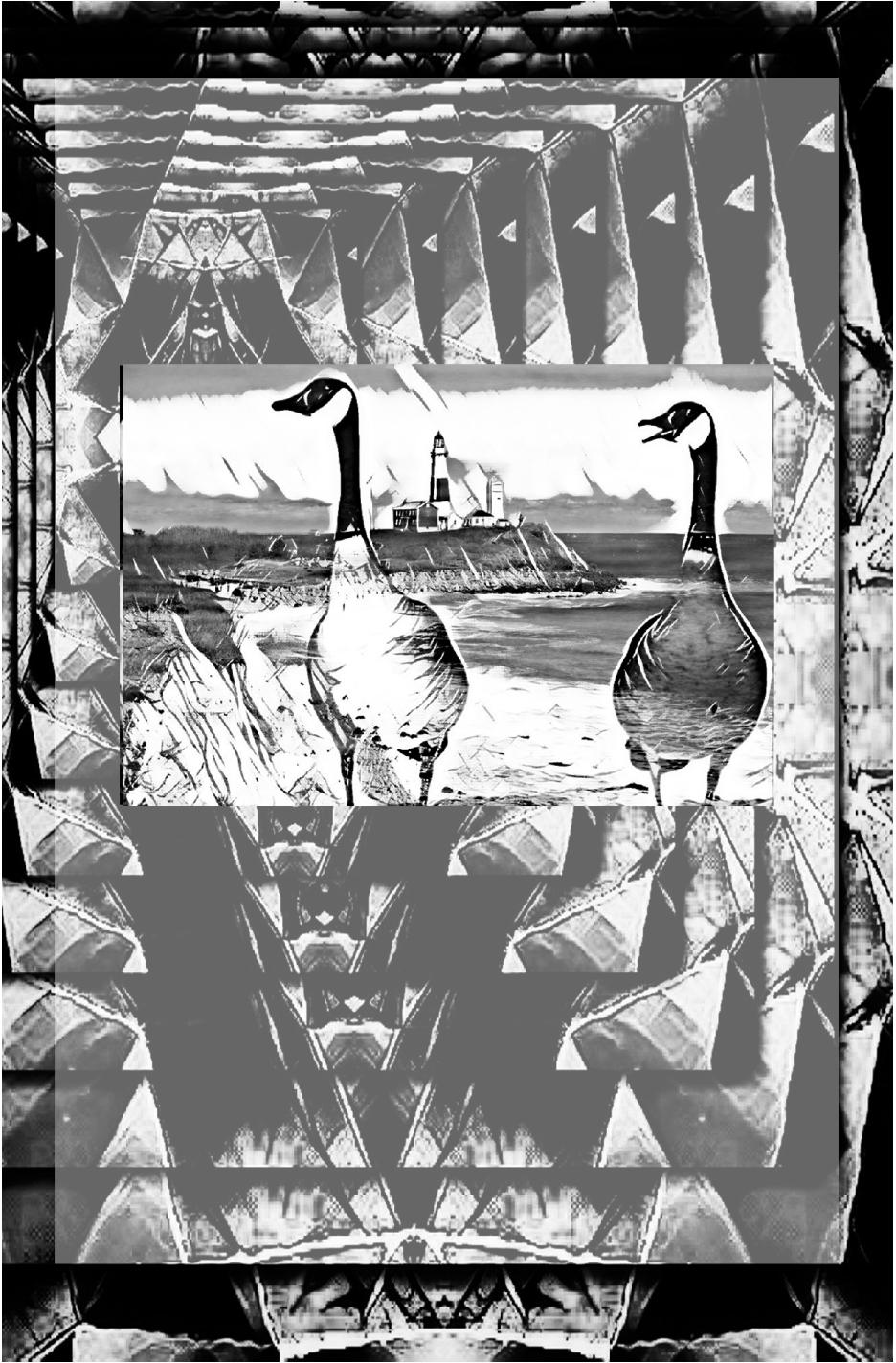
И вот в феврале по ним ударило снегопадом

Какого хрена?!
Было написано на их клювах
Все это мы могли получить и в Канаде
Не напрягая крыльев

Слушая их возмущенное шипение
Я вспомнил двухнедельной давности
Разговор двух русских баб
Тоже из иммигрантов
Учащихся на английских бесплатных
Курсах для приезжих
В той самой хай скул

Какие красивые гуси – сказала одна
Любуясь проходившим мимо гусаком
Огромным, важным, полным мужской энергии

Да-а красивые – ответила другая
Вот бы такого зажарить в духовке
И любовно посмотрела вслед удаляющемуся гусаку

ПУМА

Решив однажды утром подышать
Свежим воздухом
Я зашел в городской зоопарк
И бесцельно побрел вдоль вольеров
Огороженных мелкой сеткой
Чем-то напоминающей о колючей проволоке

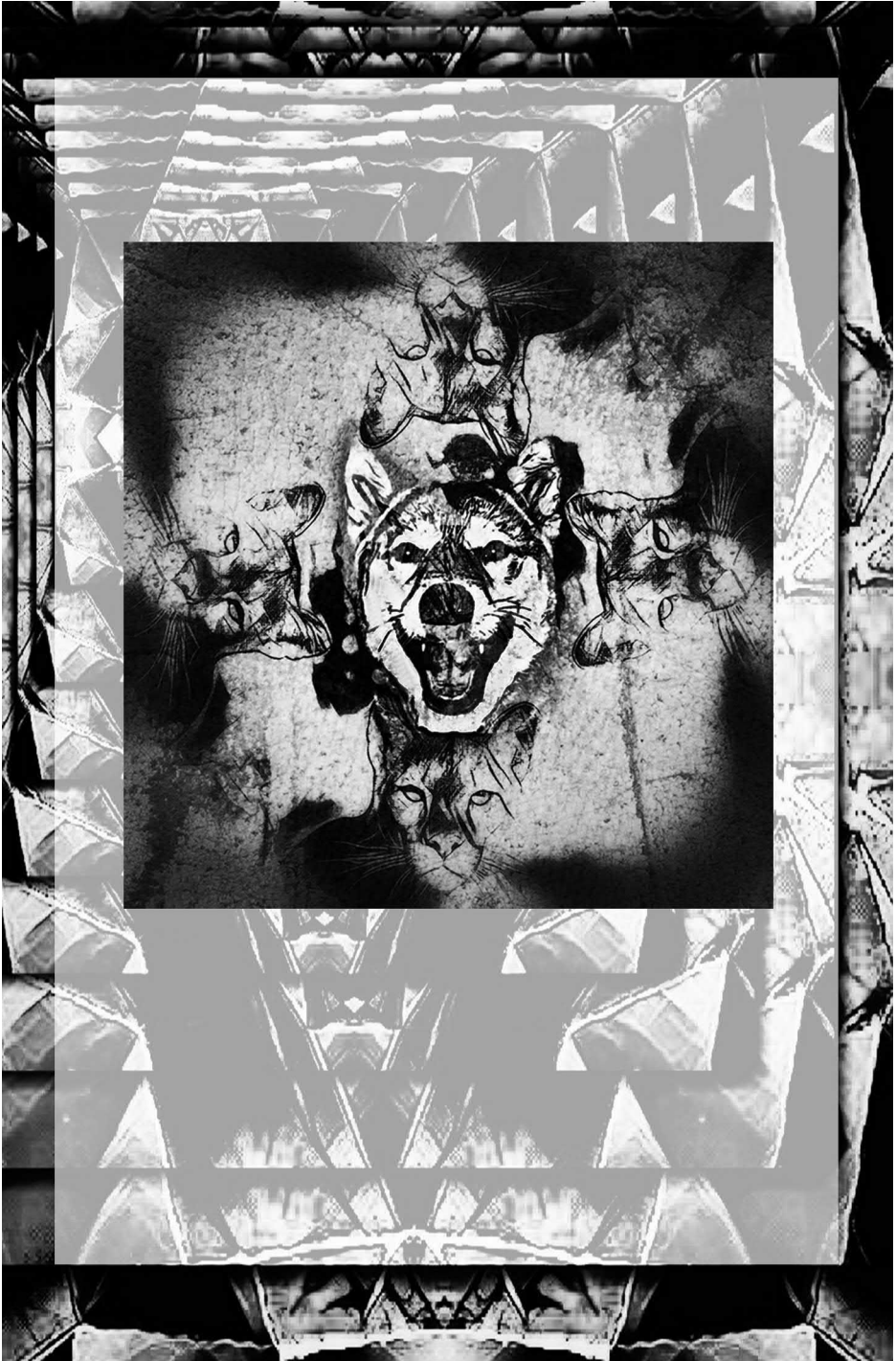
У вольера, обнесенного особо мелкочаеистой
В два ряда, между которыми было около полуметра, сеткой
Я остановился
Не в силах оторвать глаз
От чернеющего за мелкочаеистым барьером
И потому ставшего малоузнаваемым
– но я-то узнал сразу –
Квадрата Малевича
Принявшего вид огромной свернувшейся кошки
«ПУМА» – было написано на прикрепленной к сетке
табличке

Внезапно черный квадрат зашевелился
И на меня глянули его зеленые глаза

И я вспомнил

Несколько лет назад
Я дней пять прожил
В горах Северной Калифорнии
В православном монастыре
С особо строгим уставом
Там не было даже электричества
А в окрестных лесах
– мне так рассказывали –
Водились пумы

Однажды
После вечерней службы

При свечах и лампадах
Я шагнул сквозь черный квадрат дверного проема
На тропинку
Ведущую в дом для паломников
Она повела меня – в темный лес
И – оказалось – к чуть слышному звуку
Мягкой поступи лап – за спиной

Никогда в жизни
Ни до, ни после
Я так не бегал
Как тогда – от зеленых глаз
К светлому квадрату дверного проема
Превратившемуся за моей спиной в черный квадрат
Из которого на неяркий свет оплывающей свечи
Приветливо помахивая хвостом
Вышла большая монастырская собака

Да
Собака – верный друг и спутник «хомо урбанис»

БАБОЧКА

Алексей работал маркетером
В офисе американской компании
Производившей всемирно известные презервативы
Работа была неплохая, но донимали проблемы с дисциплиной
Он часто выслушивал выговоры от менеджеров.

Иногда в его офис залетала бабочка и садилась на край
дисплея.

В офисе у Алексея были друзья
Грузин Звиад и армянин Левон
Звиад заведовал вэбсайтом
Левон трудился над системой безопасности офиса.

Часто они вместе дружно ловили бабочку чтобы выпустить
ее в окно.

Звиад был огромный мужик, любил выпить
И говорил: я простой человек и лублу людей
Только не лублу, когда на мэна пальцэм стучат
Левон был человек мягкий и Звиаду не возражал.

Когда бабочка не ловилась, Звиад зверел
А она садилась ему на макушку.

Тот день у Алексея не заладился
Ночью порвался презерватив, и жена устроила скандал
Что даже нормальных гандонов принести не может
Что теперь может даже аборт придется делать
И что все ей в этой гребаной америке надоело
И Алексей в первую очередь.

Иногда бабочка усаживалась одному из них на плечо
И все смеялись.

Скандал продолжался почти всю ночь, и на работу
Алексей опоздал
Его вызвал менеджер Майкл и сделал ему строгий выговор
Алексей пробовал объясниться, но Майкл его заткнул
Сказав, что еще одно слово и Алексей будет уволен.

Бабочка передернула крылышками
И съежилась в пыльном углу на полу.

Алексей вернулся к себе и сел на стул перед дисплеем
К нему зашли Звиад и Левон, но Алексей их не заметил
Звиад глянул на Левона, тот кивнул головой и пошел
в свой кабинет
Звиад тихо вышел и закрыл за собой дверь.

Бабочка полетела за Звиадом
Но тот закрыл дверь перед самым ее рыльцем.

Через полчаса к офису подъехали скорая, полицейские
и пожарные
Менеджера Майкла увезли на скорой
Всем сказали, что кто-то его изувечил
Но свидетелей не было, видеоаппаратура не работала
А менеджер молчал.

Алексей Звиад и Левон вечером пили пиво
И рассказывали анекдоты про бабочек.

Бабочка веселилась всеми своими ножками
И хохотала всеми своими крылышками.

ЛОБСТЕРЫ

Покачиваясь в лодке у берегов Мэна
И вглядываясь в ласковую лазурную бездну
Я увидел колонию темно-зеленых лобстеров
Ползающих по каменистому дну океана

Важные самцы
Глубокомысленно шевелили усами
Постукивали клешнями
И выгибали хвосты
Перед самками
Хотя вообще-то они их презирали
За сосредоточенность на мелких будничных делах

То ли дело – собраться компанией
И перестукиваться клешнями
О смысле лобстерской жизни
И узоров в небе воды над головой
За которыми просматривается загадочный мир

И я вспомнил

Как угощался в гостях свежими лобстерами
Мой приятель купил их на распродаже
Буквально по бросовой цене
Меньше \$4 за штуку – паунд и $\frac{1}{4}$ каждый
Он опускал их живыми в кипящую воду
И рассказывал о потрясающей книге
Поэта-суперметафориста
Презентацию которой он посетил в Москве

А я орудовал щипчиками для дробления хитинового панциря
Покрасневшего лобстера
И слушал, какой загадочный мир
Просматривается за узорами суперметафор
Потрясающей книги московского поэта

Handwritten text, possibly a list or notes, in a cursive script.

Handwritten text, possibly a list or notes, in a cursive script.

Handwritten text, possibly a list or notes, in a cursive script.

Handwritten text, possibly a list or notes, in a cursive script.

Handwritten text, possibly a list or notes, in a cursive script.

ЛЯГУШКА

В зоопарке у «Баррикадной»
Долгие годы
Сидит на камне
Царевна-лягушка

Никто не пошлет ей стрелу
Вокруг зоопарка высокие стены
А с луком и стрелами
На территорию вход воспрещен

В зоопарке много народу
Ходит-бродит вокруг лягушки
Точно знают: она царевна
Но никто ее не целует

Слишком сложно теперь с царевной
А Иван-дурак подметает землю в вольерах
Он глупец, говорит лягушка,
Продолжая сидеть на камне.

СОБАКА-1

У собаки
Лапы босы
И судьба
Ее печальна
Как трагедия начала
Ливня
Что дряхлеет в луже
И живительною влагой
Утекает внутрь
Собаки
И куски
Несчастной суки
Отражает
В небо глядя.

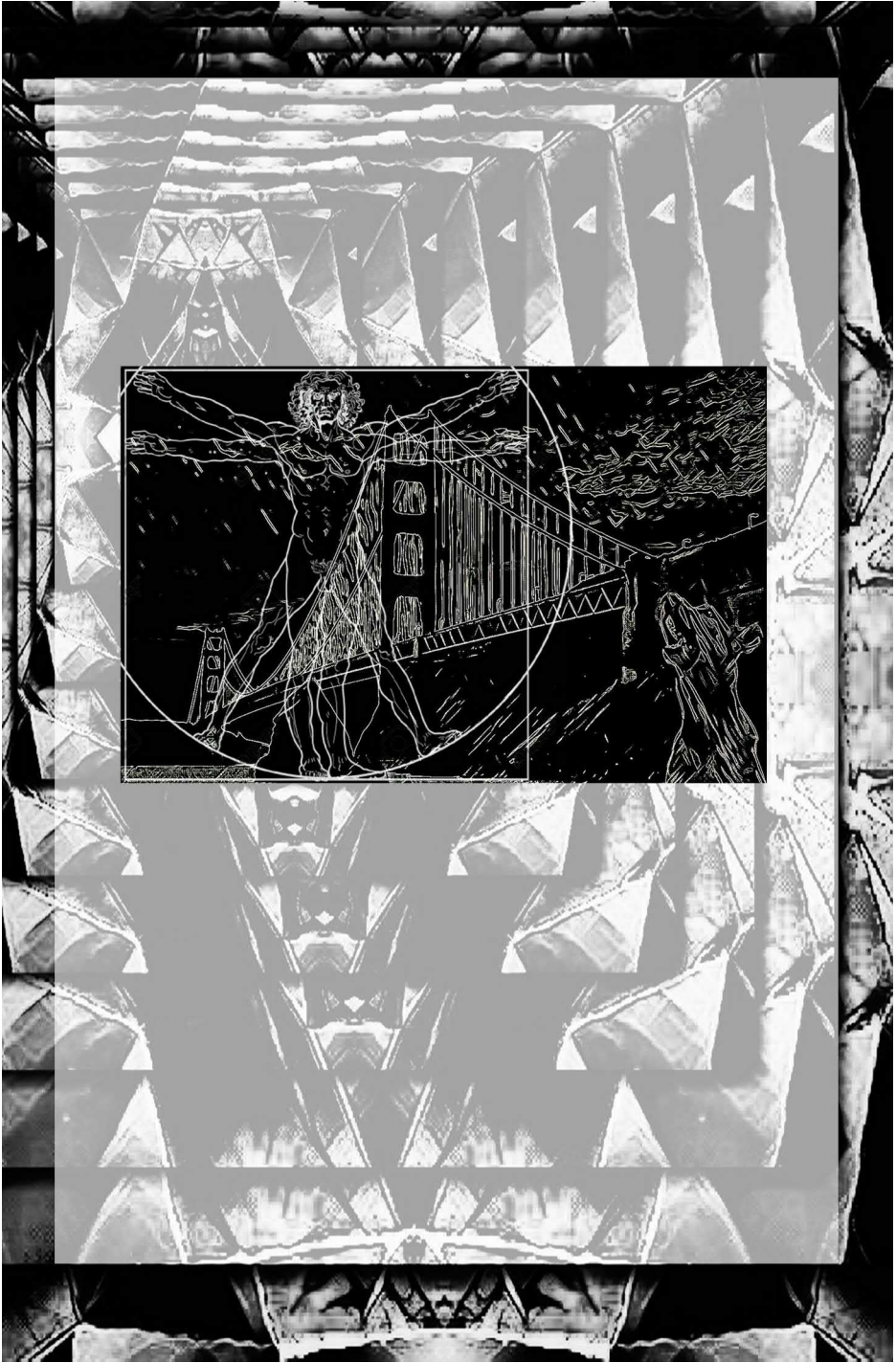

СОБАКА-2

Темно
Шел дождь
А под мостом
Собака
Выла все о вечности
А по мосту
Шло человечество
Печальное
С открытым ртом
И тоже думало
О вечности
Но как-то так себе
С трудом.

СОБАКА-3

Прогуливают собаку
По Мэдисон авеню

Землицы кот заплакал
На Мэдисон авеню

Трусит веселая пэтина
Вдоль Мэдисон авеню
Вдруг пэтина землю заметила
Не на Мэдисон авеню

Счастье какое для пэтины
Средь мэдисон авеней
Понюхать земли отметину
А позже тьякнуть хозяину:

Парки
и
скверы
много
важней
всех этих
авеней

БАКЛАНЫ

Сижу однажды летом
На одном из пляжей Лонг-Айленда
Этого Подмосковья Нью-Йорка
Расплющенный жарой по сезлонгу
И медленно растворяюсь
В сиропе из воды и неба

Кругом – ни души
Одни бакланы прохаживаются

И вдруг слышу разговор:

Слушай сюда, шмендрик
Ты какво... это мою рыбу склевал
А какого... это она твоя
А я ее первый зацелил
Те чо целого бэя мало
А пошел ты
Сам пошел

Сижу
Думаю
Мысль

Ну если у них так
Что же с людей-то взять

ВОРОБЕЙ

Воробей прилетел
Точнее, птица похожая на воробья

Да он и не прилетал
Это я пришел и сел на скамейку
В городском скверике
Рядом с памятником
Героям, отдавшим жизнь
В борьбе за свободу и демократию

Сижу
Думаю
Мысль

О странном мире воробьев
Или птиц, похожих на воробьев
Или просто птиц

Вот мы не жнем и не сеем
А Господь нас питает

Жизнь птиц несравненно тяжелее

Они прилетают в этот мир
И вылетают из него

Они умирают
От голода, морозов, болезней
Наглых противных и таких любимых нами кошек

Не имея медицинской страховки
Не успев разграничить добро и зло

Вот как этот воробей
Или птиц, похожий на воробья
Который прыгает у моих ног
Намекает, что-то клюя около подошв моих башмаков

А я сижу, придавленный дилеммой
Сделать добро, кинув несколько крошек
Или сделать зло, свернув шею этому воробью
Или птице, похожей на воробья

Вот он передо мной
Такой маленький, плотный, округлый
С желтым хохолочком
И белыми подкрыльями и подбрюшиной
Не знающий, что я сейчас решаю его судьбу

И улетающий
Предварительно
Презрительно
Нагадив мне на голову

КОТЫ

Однажды
Шагая по Манхэттену
Вдоль по 28-й улице
Между 7-й и 6-й авеню
Я увидел белого кота
Сидевшего у дверей цветочного магазина
Между двумя экзотическими кустами
Выпиравшими из больших глиняных горшков

Этот кот был толстый, как арбуз
И белый, как вата

Его морда излучала неудовольствие
Казалось, он говорил
Ходят тут ходят
Всякие
Ну что встал – проходи давай

Почти на цыпочках проскальзывая
Мимо этого умудренного жизнью белого кота
Я вспомнил
Как несколько лет назад
К двери билдинга
В одном из маленьких городков
Недалеко от Бостона
В котором я тогда жил
Повадился ходить
Жирный черный кот

Он нагло ложился на крыльцо
Прямо около двери
Мешая входящим и выходящим
Тарасил свои круглые желтые зенки
И, казалось, говорил:

Ну

И что вы можете со мной сделать?

Сделать мы действительно ничего не могли
Нельзя же обижать домашнее животное

Но однажды из открывающейся двери
Прямо перед мордой
Нагло развалившегося черного кота
Высунулась морда огромной собаки
С раззявленной белозубой пастью
И свисающим до земли розовым языком
Выражающая большую любовь ко всему живому

Никогда бы не подумал
Что толстое и ленивое существо
Способно передвигаться со скоростью
Которую развил тогда тот черный кот

Больше мы его не видели
Надеюсь, что его не хватил удар
Все-таки безобидное домашнее животное

ЛОШАДИ

На Лонг-Айленде любят лошадей
Лошади – символ Лонг-Айленда
Лошади повсюду на Лонг-Айленде
Где ни проезжай по Лонг-Айленду
Неприменно хотя бы раз
Проедешь мимо загона
В котором виднеются одна или две лошади

Они вскидывают головы
И прядают ушами
Как бы говоря: эх, не то это все
Нам бы простор да скорость
И нервно помахивают хвостами-метелками

Глядя однажды из окна машины
На один из таких вольеров-загонов
Я вспомнил, как на квартирнике
У одного литературного знакомого из Нью-Йорка
Девушка, работающая в похоронной конторе
Для нищих эмигрантов
А в свободное от работы время
Занимающаяся спасением старых лошадей
От забоя на мясо
Поведала собравшейся компании
Что состарившихся лошадей Лонг-Айленда
Обычно
Продают в рестораны Квебека
Где их очень любят
Канадцы французского происхождения

А мы недоверчиво качали головами
Мы не хотели ей верить
Ведь мы же ездим по Лонг-Айленду
И любуемся живущими там лошадьми

ГИМН РИМСКОЙ СВИНЬЕ

как хорошо
быть римом
покоренным
рим презирать
и плавать
в римских банях

намедни
шут гороховый
пропел
одну из песен
а шут картофельный
сказал
одну из басен

прекрасен князь
поклонимся ему
и в пляс
и в пляс
и в пляс

а кто плясать
не хочет
точите лясы
и сыр сегодня
будет
а потом
не будет
мира

поэтому
солите сало

течет оно
меж пальцев
в безвременье
и хрюканье свиньи
доносится из общего пространства
но пяточок
принадлежит не ей
она – его носитель
но посетитель
ресторана
съест пяточок
и мир освобожденный
обрадуется

рано
рано
рано

на свете
тех свиней
не счесть
и даже если каждый
съест по свинье
и в героическом
поступке том
погибнет
свиней останется
не счесть

но
если их не есть
то
от обиды
лопнут эти свиньи

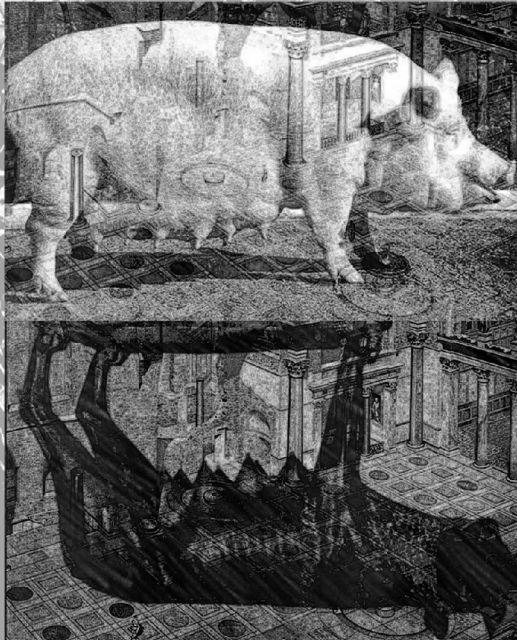
и мир спасется
мир спасется
да!

но
где спастись
простому человеку

идите ж
в баню
вы
простые люди
и хоть не в римскую
но все равно
спасете

хотя бы тело

КОТ-УДАВ

вот кот
который вымякивает печать
и растекается по печи речи
но в речи всегда
нуль удава
и тор свернувшегося кота

нуль скатан из созвездий
луна молчит хохотом
пространство застегнуто
удавом времени
кота в точке темени

и внутри
пляшут удавы
бесконечностей всех рангов и видов

но

удава увидев
себя развернутым
уползает
предпочитая кольца
хотя бы и дыма
и даже из ничего

кот мяукает
имя

КОРОВА АУДУМЛА

Волк влачится без волчицы
Лао-цзы в небесье на границе
Зычно бьет в литавры сна

Мне мила корова Аудумла
Что вскормила бабу Ценозавру
Между кем кого мне выбрать
Птицу или зверя

Птица к Лао-цзы летит в небесье
Волк же рыщет

Я настигну злую Ценозавру
И скажу ей ласковое слово
Аудумлы молоко сбежало
И застыло
Где яичница-глазунья
В Лао-цзы влюбила волка
Зверь он был
А стал хороший человек

Лао-цзы – интуитивный пахарь
Отвечал: ответа не имею
И отпил из кружки молока

Может быть ответит Ценозавра
Где окружность
По которой молоко
Волку в пасть стекает

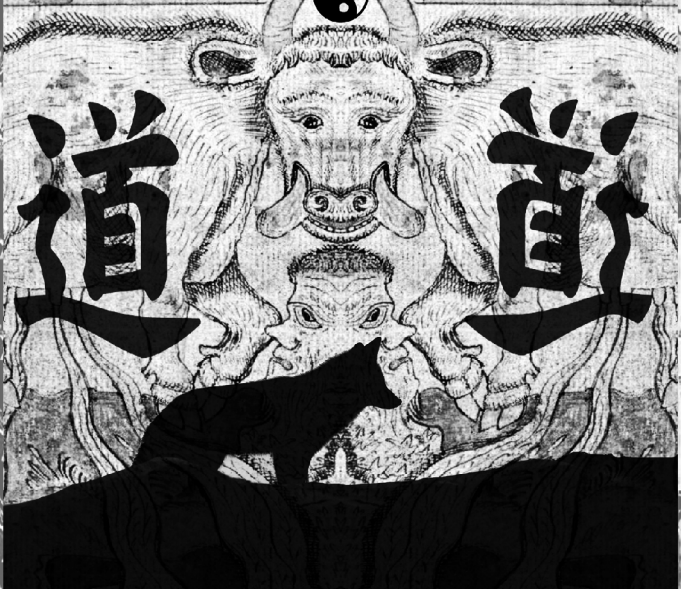
Лао-цзы качает головой
Аудумла добрая все плачет

Ценозавра тут захохотала
И сказала:
Ты подумай

И пошел я думать
С Аудумлой.

Þar er einn af þessum
þingum sem er nefndur
í Eddu og er nefndur
í Eddu og er nefndur
í Eddu og er nefndur

Þar er einn af þessum
þingum sem er nefndur
í Eddu og er nefndur
í Eddu og er nefndur
í Eddu og er nefndur

道 道

КИТЫ

В метафизических глубинах
Такие плавают киты
Такие плавают дельфины
И с вечностью плывут на ты
Легки стройны и неподвижны.

Не то что мои мысли
Они малы и тяжелы
Они не плавают, а тонут
И океан кита короной
Качает хмуро.

КАНИСТРЫ

Столько лет заполнял я канистры
Невидимыми миру слезами
Слезинка за слезинкой
Соленые – как кислота соляная
Пробовал на себе – так и есть

А когда иссохла последняя капля терпения
Взобрался на крышу одного из жилых
Монстров мегаполиса
Затащил туда две канистры
И планомерно шагая вдоль крыши
Возвращал обратно миру
Невидимые ему слезы
Соленые – как кислота соляная

Пока запыхавшиеся от лестничной беготни полицейские
Не прервали затянувшийся перформанс

Интересно, кого они спасали и от чего
Экспертиза от химии показала, что в канистрах
Была чистейшая питьевая вода «Poland Spring»
Экспертиза от медицины показала
Что я здоров во всех отношениях
Дай Бог каждому

Поначалу меня хотели осудить по какой-то статье
Но прошли многолюдные демонстрации
Те, на головы которых я лил
Невидимые миру слезы
Соленые – как кислота соляная
Согласно экспертизе – чистейшую питьевую воду
Многолюдно выступили в мою защиту
И многолюдно приветствовали меня
Когда я вышел – свободный, как птица
И молча смотрел на небо и не мог оторвать от него глаз

Ведь я пробовал на себе действие
Невидимых миру слез
Соленых – как кислота соляная
Ведь я, стоя над бездной, собирался
Слившись с последней их каплей
Шагнуть вниз

А когда я отвечал на дружественные приветствия
Своих защитников
То вдруг представил себе
Как бы я удивился, когда, летя вниз вместе с последней
каплей
Невидимых миру слез
Соленых – как кислота соляная
Попробовал бы ее языком и обнаружил вкус «Poland Spring»

А потом мы многолюдно пошли в паб
Пили пиво, виски и кока-колу
Закусывали креветками, гамбургерами и картошкой

А сейчас я сижу под дождем в цветущем сквере
Рядом с тем самым жилым монстром мегаполиса
Смотрю на дарящее влагу небо
И не задаю ему глупых вопросов
Смотрю на подрагивающие под напором капель листья куста
С красивыми белыми цветами

Сижу
Думаю
Мысль

Никогда больше не буду покупать канистры
И уж тем более утомлять себя подъемом
На чертов шестидесятый этаж.

СОДЕРЖАНИЕ

Игорь Сид. МЕЖДУ СМЫСЛОМ И АБСУРДОМ (3)

От автора (4)

ГУСИ ЛОНГ АЙЛЕНДА (6)

ПУМА (8)

БАБОЧКА (11)

ЛОБСТЕРЫ (14)

ЛЯГУШКА (16)

СОБАКА-1 (18)

СОБАКА-2 (20)

СОБАКА-3 (22)

БАКЛАНЫ (24)

ВОРОБЕЙ (26)

КОТЫ (29)

ЛОШАДИ (32)

ГИМН РИМСКОЙ СВИНЬЕ (34)

КОТ-УДАВ (38)

КОРОВА АУДУМЛА (40)

КИТЫ (42)

КАНИСТРЫ (44)

Литературно-художественное издание

Московский союз литераторов

Андрей Львович Цуканов

ТОТЕМЫ
(книга стихов)

Редактор-составитель *Людмила Вязмитинова*

Иллюстрации, дизайн, вёрстка *Татьяна Виноградова*

Автор фотографии Андрея Цуканова

Левон Осепян

ISBN 978-5-6041307-0-4

9 785604 130704

Подписано в печать 30.08.18

Гарнитура Verdana

Бумага офсетная

Печать цифровая

Формат 60х90/16

ЛИЧНЫЙ ВЗГЛЯД (Московский союз литераторов),

250009, Москва, ул. Б. Дмитровка, 5/6, стр. 8

+7(495) 692-06-03 dmitrovka5@yandex.ru

Отпечатано в «ИП Пряхин В.К.»,

300034, г. Тула, Гоголевская, 71

Андрей Цуканов – поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Окончил филологический факультет МГУ. Автор книг стихов «Акт» (1992), «Тридцать три» (1996). Стихи, рассказы и эссе публиковались в газете «НГ-Ex Libris» и журналах «Арион», «Новое литературное обозрение», «Знамя», «Среда», «Альманах N», «ПООэзия», на портале «Textura» и др. Автор учебника по истории философии для школьников (1999, переиздание в 2017). Перевел с английского несколько книг американских авторов, в том числе 1-й том двухтомника Ричарда Пайпса «Петр Струве, биография». На основе цикла совместных выступлений на «Радио России» в передаче Дмитрия Воденникова «Своя колокольня» в соавторстве с Людмилой Вязмитиновой выпустил сборник эссе о современной литературе «Tempus deliberandi. Время для размышлений» (1998).

Если скульптор ставит памятник собаке-покорительнице Космоса, отправленной человеком в небеса на верную гибель, или подопытному павиану, замученному ради выработки новой вакцины, то поэт пишет о вольных зверях и птицах, к которым не имеет отношения ни он сам, ни его окружение. И ему даже не обязательно лично созерцать этих зверей и птиц: часть зоологических персонажей он конструирует сам – в своем воображении. Собственно, так когда-то и рождались тотемы.

Игорь Сид

